

Последние дни Чу Чжаохуай был загружен до предела.

Ему приходилось не только проводить сеансы иглоукалывания для Лян Фана, но и лечить Цзи Сюня от его «беспульсовой болезни». Приготовление отваров он и вовсе не решался доверить слугам, опасаясь, что те не уследят за огнем и испортят целебную силу снадобий.

После двух дней такой суматохи, ранним утром пятого дня нового года, Чжаохуай поднялся ещё до рассвета, полный решимости и энергии.

Тёплый павильон и главную опочивальню разделяла лишь тонкая стена. Цзи Сюнь спал, но в его полузабытьи вновь рокотал гром — звук, что преследовал его в кошмарах долгие годы. Князь метался во сне, и брови его сходились к переносице всё туже.

Грохот. Треск.

Рука Цзи Сюня, свесившаяся с края кровати, судорожно сжалась. Несмотря на лютый зимний холод, на лбу выступили капли пота.

То ли оттого, что время приема лекарств еще не пришло, то ли по иной причине, но князь никак не мог вырваться из плена дурного сна. Оглушительные раскаты грома смешивались с шумом проливного дождя, окончательно спутывая сознание.

Внезапно Цзи Сюнь распахнул затуманенные глаза и позвал в пустоту:

— Брат?

Нин-ван погиб много лет назад. Даже в галлюцинациях, вызванных безумием, его лицо оставалось лишь размытым пятном. Мужчина не мог отличить явь от видения.

Облачившись в широкое черное одеяние, Цзи Сюнь сидел на холодной постели. Ледяные пальцы запустились в спутанные темные волосы; он низко склонил голову, тяжело дыша, а его зрачки лихорадочно дрожали.

Треск! Бах!

Громкие, беспорядочные звуки снаружи мгновенно развеяли морок кошмара. Цзи Сюнь устало вскинул веки, с трудом возвращаясь в реальность.

У двери послышался голос Чжоу Хуаня:

— Ванъе, вы проснулись.

Князь, разбуженный дурным сном, был не в духе. Слыша снаружи несмолкаемый шум, он холодно бросил:

— Утащите Цзи И обратно. Пусть переписывает книги.

— Слушаюсь.

Вскоре донеслись отчаянные вопли наследника:

— А?! Я только пришел засвидетельствовать почтение отцу! Почему я должен возвращаться и писать?! Что я сделал не так?!

Голос Чжоу Хуаня был бесстрастен:

— Не знаю. Ванъе приказал — я исполняю.

— А?! А-а-а?!

Плачущего Цзи И уволокли прочь.

Казалось, теперь должно стать тише, но суматоха снаружи не прекращалась. Кто-то шумел, суетился и переговаривался так громко, что у хозяина усадьбы разболелась голова.

Лицо Цзи Сюня становилось всё мрачнее. Он поднялся, накинув халат на плечи, и в каждом его движении сквозила ледяная жажда расправы, готовая вот-вот вырваться наружу.

С грохотом распахнув дверь, Цзи Сюнь уже приготовился разразиться гневной отповедью, но тут к нему, точно радостный кролик, подскочил Чжаохуай. Золотые подвески на его венце — маленькие монетки с квадратным отверстием — весело поблескивали на солнце.

— Ванъе проснулся! — радостно воскликнул юноша. — Сегодня Праздник По У, день встречи Бога Богатства. Я попросил Чжао Бо взорвать немного хлопушек, чтобы отогнать злых духов и беды. Мы вас не слишком напугали?

Цзи Сюнь: «...»

Обычно Чу Чжаохуай носил одежды фиолетовых или синих оттенков, но сегодня на нем был наряд алого, праздничного цвета. Яркий шелк оттенял его кожу, делая её белой, точно свежавыпавший снег.

Князь долго смотрел на него, и ярость, вызванная ночным кошмаром, начала медленно остывать. Лишь спустя мгновение он отвел взгляд:

— Нет.

— Вот и славно, — Чжаохуай с облегчением выдохнул и привычным жестом перехватил руку мужа, проверяя пульс. — Я как раз собирался вместе с Цзи И поехать в храм Бога Богатства за черту города, чтобы поднести дары и зажечь лампаду-доу, но его почему-то утащил Чжоу Хуань.

Цзи Сюнь: «...»

— Кажется, лекарства последних дней действуют. Пульс стал отчетливее, — лекарь быстро закончил осмотр. — Мне пора в храм, вернусь после полудня.

Он на мгновение задумался. Ему стало неловко оставлять больного одного, пока сам он будет развлекаться, поэтому он осторожно спросил:

— Ванье, ваша рассеянность прошла? Нужно ли мне остаться на случай, если вам станет хуже?

Цзи Сюнь вскинул на него глаза. Чжаохуай смотрел с надеждой, ожидая, что муж проявит чуткость и скажет: «Нет необходимости, Шэньи, иди и веселись».

Но Цзи Сюнь с безупречной вежливостью и легким оттенком сожаления произнес:

— Это было бы чудесно. Прошу прощения за беспокойство, Шэньи.

Чу Чжаохуай: «...»

Юноша не посмел возразить, лишь уставился на носки сапог собеседника и нехотя пробурчал:

— О... Что ж, это долг целителя.

Цзи Сюнь тихо усмехнулся.

Оставшись без поездки в храм, Чжаохуай заметно помрачнел. Даже за завтраком у него почти не было аппетита.

Цзи Сюнь отхлебнул из чаши с приготовленным снадобьем и вдруг замер.

— Шэньи, почему сегодня лекарство в разы горше, чем в прошлые дни?

Чжаохуай прикинулся дурачком:

— Правда? Я начал варить его еще до рассвета... Ой, кажется, когда взрывали хлопушек, я попросил командующего Иня присмотреть за огнем. Неужели он втихомолку подсыпал туда побольше коптиса?

Цзи Сюнь: «...»

Инь Чжуншань, стоявший на страже у дверей: «???»

— Впрочем, коптис отлично выводит жар, — с невинной улыбкой добавил Чжаохуай. — У Ванье внутри сильный огонь, так что лишняя горечь пойдет на пользу. Доброе лекарство всегда горько на вкус, пейте же.

Цзи Сюнь: «...»

У стоявшего за дверью командующего Иня выступил холодный пот. Ванье не мог не заметить столь очевидной и топорной каверзы.

«Эта Ванфэй... Нет, этот Шэньи... Слишком уж он осмелел»

Пока Чжуншань терзался опасениями, из комнаты донесся тихий смех князя:

— Хорошо. Благодарю Шэньи за столь глубокую заботу.

С этими словами Цзи Сюнь осушил чашу до дна, даже не поморщившись.

Инь Чжуншань: «...»

«Неужели симптомы безумия начали проявляться уже днем? Это же настоящее безумство!»

Чжаохуай тоже опешил. Он не ожидал такой решимости; глядя на него, юноша невольно поморщился, а от одного запаха этой горечи у него самого свело челюсть. В душе он начал раскаиваться: не стоило быть столь мстительным.

Цзи Сюнь, не меняясь в лице, отставил чашу. Заметив тень вины на лице юноши, он скрыл усмешку в глубине глаз.

— Шэньи, сегодня с самого утра меня начали преследовать видения.

Лекарь мгновенно встревожился:

— Насколько всё серьезно?

Цзи Сюнь принял изнуренный вид и слабым голосом спросил:

— Считать ли серьезным, если я вижу, как кто-то заносит надо мной меч?

Чжаохуай разволновался не на шутку:

— Разумеется!

Раз начались галлюцинации, он обязан быть рядом каждую минуту, чтобы предотвратить беду. Какая уж тут поездка в храм?

Чувствуя себя еще более виноватым, юноша вскочил и поспешно наполнил для мужа чашу кашей. Он даже присыпал её кусочками цукатов, которые любил сам, и осторожно пододвинул Цзи Сюню:

— Ванье, поешьте. Это поможет перебить горечь.

Князь принял угощение и сделал несколько глотков.

— Вам лучше? — спросил Чжаохуай.

— Да, — ответил Цзи Сюнь. — Благодарю, Шэньи.

Чжаохуай, мучимый совестью, принялся усердно подсыпать мужу еще больше сладостей.

В этот момент вошел Чжао Бо и, склонив голову, доложил:

— Ванье, в храме за городом от имени Ванфэй уже зажжены лампы-доу Пяти Богов Богатства, а также проведена отдельная служба с жертвоприношениями.

Цзи Сюнь спокойно кивнул:

— Хорошо.

Чжаохуай удивленно воззрится на него. Обычные люди из знатных семей тоже чтят Богов Богатства, но такие вельможи, как Цзи Сюнь, с рождения купающиеся в роскоши, редко придают значение деньгам.

Лишь простые люди, привыкшие к нужде, уповают на милость богов. Для императорской семьи слово «алчность», пожалуй, было верхом вульгарности.

Однако Цзи Сюнь позаботился обо всем заранее и даже оплатил те самые лампы, на которые у самого Чжаохуая вечно не хватало средств.

Теперь лекарь был готов сам жевать коптис от стыда. Его давешняя выходка с лекарством казалась ему верхом неблагодария.

— Спасибо, Ванье, — пробормотал он, смущенно отводя глаза.

Цзи Сюнь улыбнулся. Он мастерски умел вовремя остановиться и не стал выставлять свои заслуги напоказ, а просто перевел тему:

— Есть ли у Шэньи способ унять мои видения?

Чжаохуай бросил завтрак и решительно поднялся:

— Я сейчас же попробую применить иглоукалывание.

Князь с улыбкой встал, и юноша тут же подскочил к нему, услужливо подставив плечо. Так, шаг за шагом, они добрались до спальни.

Инь Чжуншань и Чжао Бо переглянулись. Кажется, Ванье сменил тактику: перестал ловить рыбу в пруду и принялся «удить» свою Ванфэй. Бросил приманку — и лекарь тут же заглотил крючок. Такая «рыбалка» явно приносила князю куда больше удовольствия.

Чу Чжаохуай помог «слабому и немощному» мужу лечь, а сам сбегал в Нуаньгэ за золотыми иглами.

Инь Чжуншань говорил, что приступы обычно случаются ночью. То, что галлюцинации начались уже днем, лекарь списал на действие лекарств. Впрочем, это тоже можно было считать признаком того, что снадобье работает.

Когда Чжаохуай приступил к лечению, его лицо утратило привычную наивность. Он сосредоточенно разложил футляр, зажал одну иглу пальцами и задумался над точками введения.

Цзи Сюнь, полулежа на высоких подушках, бросил взгляд на инструменты — подарок Цзи И.

— Кажется, Ванфэй очень полюбился этот набор?

— Вполне, — буднично отозвался юноша, не отрываясь от дела. — Я использовал их всего пару раз, когда лечил Лян Фана. Они довольно удобные.

Цзи Сюнь сухо обронил:

— Разве они не грязные?

Чжаохуай удивленно вскинул брови:

— Что? Я каждый раз прокаливаю их на огне, чтобы изгнать скверну. Они чистые.

Князь усмехнулся:

— Я не люблю пользоваться вещами, которые были в руках у других.

Чжаохуай замялся:

— Но у меня нет другого набора... Если хотите, я прямо сейчас схожу и куплю новый серебряный комплект.

Свои старые иглы он сегодня утром, следуя обычаю «выпрояживания бедности», со скрипом в сердце выбросил.

— Чжуншань, — позвал Цзи Сюнь.

Командующий гвардией вошел и преподнес изящную шкатулку. Внутри, на подкладке из тончайшего шелка, ровными рядами лежали сто золотых игл разной толщины.

Чжаохуай оторопел.

Цзи Сюнь поправил рукав и как бы между прочим сказал:

— Этот набор только что изготовили. Шэньи придется пока довольствоваться ими.

Чу Чжаохуай: «...»

Он в очередной раз столкнулся с имперским размахом. Цзи И подарил ему двадцать четыре иглы, а Цзи Сюнь преподносит целую сотню и называет это «довольствоваться».

Юноша принял подарок и с нескрываемым восторгом погладил инструменты.

Цзи Сюнь, заметив блеск в его глазах, отвел взгляд и небрежно бросил:

— Если нравится — забирай.

— О, — Чжаохуай покачал головой. — Не стоит, у меня уже есть один набор.

Рука князя, поглаживающая обшлаг рукава, замерла.

Чжаохуай попросил принести свечу и сосредоточенно принялся прокалывать металл над пламенем. Цзи Сюнь наблюдал за ним, не отрываясь. Этот человек казался ему сотканным из противоречий. Юноша явно любил деньги, но знал им цену и брал лишь то, что причиталось. Он мог не глядя отмахнуться от тысяч лянов, добытых нечестным путем, но сиял от счастья, найдя на дороге медную монетку.

Ему явно больше нравился этот новый набор из сотни игл, но он отказался от него, даже не моргнув глазом. Казалось, его «корыстолюбие» было лишено жадности.

Цзи Сюню даже почудилось, что, умирая, этот человек попросит гроб подешевле, чтобы сэкономить, и только после этого отойдет в мир иной с улыбкой на устах. Сколько бы серебра у него ни было, Чжаохуай словно и не помышлял о будущем.

Единственное, чего он хотел — это вернуться в Линьянь.

— Ты нашел своего спасителя? — внезапно спросил Цзи Сюнь.

Чжаохуай, не поднимая головы, ответил:

— М-м, да, нашел.

— Он в Линьяне? — бесстрастно осведомился князь.

Юноша удивленно посмотрел на него:

— Нет.

«Разве он не прямо передо мной? — подумал лекарь. — Похоже, слухи о том, что лекарства дурно влияют на память, не врут»

Выбрав нужные точки, Чжаохуай утыкал мужа иглами так, что тот стал похож на золотого ежа.

— Через две четверти часа я выну их. А пока — не шевелитесь.

— Хорошо.

Чжаохуай нахмурился. Он не понимал, то ли у князя испортилось настроение, то ли дело в процедуре, но Цзи Сюнь внезапно стал гораздо холоднее.

Стоило Шэньи выйти, чтобы вымыть руки, как князь позвал:

— Чжуншань.

Гвардеец вошел и, увидев Ванье в образе «ежа», с трудом сдержал улыбку. Приняв серьезный вид, он спросил:

— Какие будут приказания?

— Узнай, был ли тот случай с волком на Террасе Пулу случайностью или чьим-то умыслом.

— Будет исполнено.

Когда Инь Чжуншань уже собрался уходить, Цзи Сюнь ледяным тоном добавил:

— И выясни, кто тот благородный человек, что спас его.

Гвардеец замялся:

— А что делать, когда найдем его?

Князь одарил его тяжелым взглядом. Приближение приступа делало его нрав крайне неустойчивым. У Чжуншаня выступил холодный пот; он обругал себя за глупый вопрос и твердо ответил:

— Я немедленно выдворю его из столицы. Он больше никогда не вернется.

Цзи Сюнь промолчал, что означало согласие. Гвардеец поспешно удалился.

Князь прикрыл глаза, пытаясь отдохнуть. Чжаохуай сказал, что нужно ждать две четверти часа, но время тянулось мучительно долго. В груди Цзи Сюня начала нарастать глухая ярость. Он нетерпеливо распахнул глаза.

Но вместо стен спальни перед ним разверзлось кровавое поле битвы, на которое лавиной катилось вражеское войско.

Лишь на миг видение исчезло, и он снова оказался в комнате. Князь нахмурился. В этот раз галлюцинации пришли быстрее обычного.

Несмотря на залитую светом комнату, Цзи Сюню казалось, что надвигается буря. Черные тучи затянули небо, тьма рухнула на землю, и в воздухе отчетливо запахло кровью, смешанной с грязью. Мужчина сжал виски; в ушах стоял нарастающий гул.

Лязг стали, крики сражающихся и тот самый знакомый голос...

— Цзи Сюнь, оставайся в лагере и жди подкрепления!

Видение, мучившее его годами, снова обступило со всех сторон. Рука князя инстинктивно легла на рукоять воображаемого меча. Запах крови становился всё гуще, почти осязаемым.

Холодный осенний ливень обрушился на него. Весь в крови, Цзи Сюнь стоял посреди резни. Рана на ключице нещадно кровоточила, но он из последних сил держался на ногах. Кто-то уже перешагнул через павших воинов и, сжимая в руках голову Нин-вана, с диким оскалом заносил над ним клинок.

Глаза юного Цзи Сюня налились багрянцем. С истошным криком он бросился вперед.

Грохот!

Чжоу Хуань с силой вылетел из окна спальни, едва успев сгруппироваться в воздухе и приземлиться на одно колено, чтобы не позорно растянуться на земле.

Только что вымывший руки Чжаохуай подпрыгнул от неожиданности и бросился к гвардейцу:

— Что случилось?! Что произошло?!

Чжоу Хуань невозмутимо стер кровь с губы.

— Ничего особенного, — небрежно бросил он. — У Ванье начался приступ безумия.

Чжаохуай замер и заглянул в спальню.

Сквозь проемы окон лился солнечный свет, но Цзи Сюнь стоял среди разгромленной мебели точно в руинах. Золотые иглы всё еще торчали в его голове. Когда он медленно повернул лицо, ледяная ярость воина, закаленного в сотнях сражений, волной ударила по лекарю.

Князь, казалось, перестал узнавать окружающих. Его взгляд, устремленный на Чжаохуая, был чужим и смертоносным. Пальцы правой руки были полусогнуты, точно сжимали невидимый эфес, готовый в любой миг снести голову противнику.

Порыв холодного ветра взметнул волосы юноши, заставив его вздрогнуть. Он слышал, что Цзи Сюнь бывает страшен в безумии, но не представлял, что увидит такое.

— Дело дрянь, — Чжоу Хуань подтащил тяжелый ящик. — Цепи только привезли, не успели надеть. Теперь мне снова достанется... Надеюсь, в этот раз удача меня не покинет и я выживу.

Чу Чжаохуай: «...»

«Как можно говорить о таких ужасах столь обыденно?! — пронеслось в голове юноши»

Гвардеец размял запястья и плечи, готовясь к схватке, которая могла стать для него последней. Лекарь преградил ему путь:

— Ты что задумал?

— Схлестнусь с ним, — ответил воин. — Одолею — свяжу. А если нет...

— Нельзя! — перебил его Чжаохуай. — У него в голове золотые иглы. Если начнете драку, они могут войти глубже.

Чжоу Хуань опешил:

— И что с того?

Чжаохуай: «...»

Поняв, что спорить с ним бесполезно, юноша просто оттолкнул его за плечо:

— Не смей вмешиваться.

Чжоу Хуань не блистал умом, но был исполнителен: раз велели не трогать — значит, не тронет.

Глубоко вдохнув, Чжаохуай сделал пару шагов навстречу Цзи Сюню.

Князь уловил движение. Пустые, налитые кровью глаза равнодушно скользнули по нему. Он казался спокойным и безвредным, но под тонкой тканью одежды каждый мускул был напряжен, а пальцы сжаты в кулак, точно на рукояти окровавленного меча.

Чжаохуай замер, чувствуя, как внутри всё сжимается от страха.

Но это он поставил те иглы. Если они войдут слишком глубоко, разум князя может пострадать непоправимо.

«Раз я это начал, мне и заканчивать — подумал лекарь»

Выдохнув и собрав в кулак всю свою храбрость, он сделал еще полшага. Его голос дрожал.

— Ванье.

Голос Чжаохуая был мягким, точно легкий ветерок. Ухо Цзи Сюня дернулось, и он медленно повернул голову.

Юноша сбросил с плеч тяжелый меховой плащ, оставшись в одном тонком халате. Он протянул вперед пустые ладони, точно пытался успокоить разъяренного зверя.

— Посмотрите... у меня ничего нет...

Цзи Сюнь стоял неподвижно, подавляя своей аурой. Чем ближе подходил Чу Чжаохуай, тем сильнее ему хотелось броситься наутек, но он заставлял себя сохранять спокойствие.

— Я... я Шэньи. Я просто хочу вынуть иглы. Не нужно...

«Только не бей меня — молила его душа»

Если даже закаленный Чжоу Хуань харкал кровью, то Чжаохуай от одного удара точно отправится на встречу с предками.

Князь стоял прямо, не сводя глаз с «птички», которая что-то щебетала ему посреди поля

брани. Он и сам не заметил, как его рука, сжимавшая невидимый меч, медленно расслабилась и опустилась.

Чжаохуай подошел вплотную. Здесь жажда крови и ярость, исходившие от Цзи Сюня, чувствовались еще острее. Лекарь сглотнул и уже хотел заговорить снова, когда тот вдруг шевельнулся.

Юноша побледнел от ужаса.

Цзи Сюнь слегка склонил голову набок, и пряди его волос рассыпались по плечам. Он медленно поднял руку и вытянул из своей шеи золотую иглу, которая во время потасовки глубоко вошла в кожу и теперь была в крови.

Мужчина усмехнулся:

— Тебе нужно это?

Душа Чжаохуая, уже было собравшаяся покинуть тело, вернулась на место. Видя, что с мужем можно говорить, он поспешно кивнул:

— Да.

Цзи Сюнь улыбнулся, но от этой улыбки лекаря бросило в дрожь. Юноша инстинктивно отступил на полшага. Разум кричал ему: «Беги!», но прежде чем он успел сдвинуться с места, князь произнес:

— Чу Чжаохуай.

Юноша замер. У Чжоу Хуаня, стоявшего неподалеку, на лице отразилось крайнее изумление.

«Князь... всё еще узнает его?!»

Зрачки Цзи Сюня были расширены, черные и бездонные. Его улыбка сейчас разительно отличалась от обычной — в ней сквозило нечто мрачное и зловещее. Подражая жесту Чжаохуая, он медленно протянул руку вперед. В его взгляде бушевала ярость, но голос звучал вкрадчиво и нежно, точно шепот любовника.

— Чу Чжаохуай, подойди ко мне.

<http://bllate.org/book/15341/1412365>